

«ХРАМОВАЯ ГОРА» НАШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

АНДРЕЙ МАЛЬГИН

*Кандидат филологических наук,
генеральный директор «Центрального музея Тавриды»*

Крым в символическом пространстве русской истории.

В течение 2014 года Президент России множество раз говорил о Крыме, но то, что он сказал во время оглашения своего ежегодного послания, отличалось от того, что говорилось ранее и по тональности, и по смыслу. Сказанное президентом Путиным нуждается в осмыслении и объяснении, причём не только для тех, кто плохо осведомлён о нашем прошлом, но и для нас самих. Побудем какое-то время в роли истолкователей мыслей «политических небожителей». Обратите внимание, на то, что Путин не сказал —

«мы так всегда к этому относились и поэтому сделали то, что сделали», он опрокинул свои слова о прошлом в будущее — «Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда». Позволю себе предложить гипотезу о том, что именно это «будем» является главным в понимании того, что было сказано президентом в крымской части своего итогового послания.

1.

Российский государственный взгляд на роль и место Крыма в отечественной истории проделал значительную и причудливую эволюцию. О том,

«Для нашей страны, для нашего народа это событие — т.е. воссоединение Крыма с Россией, имеет особое значение. Потому, что в Крыму живут наши люди, и сама территория стратегически важна, потому что именно здесь находится духовный источник формирования многоликой, но монолитной русской нации и централизованного Российского государства. Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсунь, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь.

...И именно на этой духовной позве наши предки впервые и навсегда осознали себя единым народом. И это даёт нам все основания сказать, что для России Крым, древняя Корсунь, Херсонес, Севастополь имеют огромное цивилизационное и сакральное значение. Так же, как Храмовая гора в Иерусалиме для тех, кто исповедует ислам или иудаизм. Именно так мы и будем к этому относиться отныне и навсегда».

Из послания Президента, 2014

что князь Владимир крестился в 989 году в византийском Корсун-Херсонесе в России в общем-то не забывали никогда. Но и только. В течение всего средневековья восприятие исторической Корсуни почти слилось с легендарным «Лукоморьем». Враждебная степь на восемь веков отделила Россию от Крыма, куда русские люди попадали либо в качестве купцов (меньшинство), либо в виде пленников (большинство). Крым XVIII в. века мало что напоминал «колыбель православия» — скорее оплот «бусурманства». Когда в 1776 году Потёмкин решил основать первый русский порт в устье Днепра на Черном море, он окрестил его в честь византийского предшественника — Херсоном, очень смутно представляя, где этот предшественник, от которого к этому времени оставались лишь затянутые землёй развалины, находился. Один из немногих сторонников «идеологизировать» движение России к Черному морю при Екатерине II дипломат П. А. Левашов был убеждён, что Херсонес стоял на месте Феодосии — османской Кефе. В знаменитом Манифесте императрицы Екатерины о Присоединении Крыма 1783 года нет ни слова о каких-либо исторических или духовных основаниях российского интереса к Крыму. Только прагматика — необходимость прекратить хроническую дестабилизацию на полуострове, вызванную междоусобной борьбой за престол крымского хана, хотя Потёмкин и пытался мотивировать государыню тем, что она приносит покой туда, откуда пришло на Русь древнее благочестие. Екатерина скорее видела себя законодательницей новых политических мод. Своё появление в Тавриде (название в литературе новое, взятое из античных сочинений), царица Херсонеса Таврического обставляет в лучших традициях театральной постановки.

Для строителей русского Севастополя в XIX веке древний Херсонес был не столько объектом интереса и поклонения, сколько местом добычи хорошо обтёсанного камня, который великолепно шёл на кладку новых городских строений. В течение полусотни лет Крым привлекал образованную русскую публику прежде всего своими природными красотами, восточным

колоритом и остатками античности (при этом «русскими помпеями» стал не Херсонес, а Керчь). Даже Пушкин был всецело увлечён поисками легендарного «храма Дианы», а на развалины Херсонеса даже не взглянул... Потом М. Волошин желчно иронизировал над этим «легковесным» «Волшебный край, очей отрада...».

2.

Всё изменилось с Крымской войной. Величественная эпопея обороны Севастополя 1854–55 гг., её потери и жертвы, заставили общество говорить о «русской Трое», а вместе с этим — вспомнить о месте, для русского общества не менее знаменитом — о легендарном Херсонесе-Корсуне, где крестился Владимир. Именно после севастопольской обороны строятся первые храмы в честь крестителя Руси и вообще открывается значение Крыма как духовного источника российского православия. В значительной степени это было делом всей жизни архиепископа херсоно-таврического Иннокентия, который задумал создать здесь, как он выражался, «русский Афон».

Во второй половине XIX века, Крым вовлекается в историческую орбиту русского православия, и на раскопках Херсонеса начинается не прекратившееся и по сей день соперничество духовной (монастырь) и светской (музей) составляющих в изучении и интерпретации его богатого археологического наследия. Становление Крыма как императорского курорта, появление здесь в виде отдыхающих и земельных собственников представителей русского образованного и имущего класса оживляет процесс познания «священной земли». Работа учёных обществ приводит к появлению целого корпуса интересных исследований, а сама земля иногда провоцирует создание настоящих идеологических откровений, каковым стала написанная Н. Я. Данилевским в Крыму «Россия и Европа» — первая историческая (и, конечно же, не бесспорная) попытка осмысления взаимоотношений двух гигантских политических сущностей, определяющих всю глубинную тектонику евразийского континента.

Архиепископ Иннокентий (в миру Иван Алексеевич Борисов; 15 (27) декабря 1800, Елец, Орловская губерния — 26 мая (7 июня) 1857, Одесса), архиепископ Херсонский и Таврический. Член Российской академии (1836). Открыл в Крыму несколько монашеских скитов, устроил в Одессе два новых торжественных крестных хода, руководил строительством и реконструкцией храмов.

И хотя стремительно формирующийся образ Крыма как «русской Ривьеры», с его интенсивным частным строительством и духом земельной спекуляции, нет-нет, да и бросает свою тень на светлый образ духовной колыбели отечества, к началу первой мировой войны Крым — это бесспорно «главная жемчужина в короне российской империи».

3.

Новая попытка осмыслить и переосмыслить «херсонесское наследство» русской государственности и культуры также как и предшествующая была вызвана глобальным политическим потрясением, на этот раз гораздо более сильным, чем Крымская война. В ходе «русской смуты» 1917–20 годов «Курортный рай» становится последним бастионом в борьбе между старым и новым пониманием назначения и смысла социума и государства. Уже на самом излёте белой борьбы, командующий русской армией в Крыму барон П. Н. Врангель осмысливает Крым как противоположную большевистской «другую Россию» и затевает смелый эксперимент по созданию в Крыму «опытного поля российской государственности», которому, однако, не суждено было реализоваться. Именно в эти дни «у стен Херсониса» оказывается богослов и философ Сергей Булгаков. Одноимённый трактат последнего, выполненный в форме почти платоновских диалогов, является, может быть, самой сильной в истории отечественной мысли работой о русской революции, истоки которой мыслитель ведёт «от князя Владимира и Херсонеса».

Всё лучшее и всё худшее в жизни России и её образованного класса отсюда — полагал Булгаков, занимаясь кропотливой археологией национального духа... Результаты этих раскопок, правда, были в течение более чем полувека скрыты от нас, т.к. отправившийся в эмиграцию философ, запретил публиковать свою работу, увидевшую свет лишь в 90-е годы XX века. Для него, как и для всех изгнанников, покинувших Россию в это тяжелое время, Крым остался последним клочком родной земли, последним воспоминанием о родине, своеобразным символом России, так не похожим на неё.

*Над Чёрным морем
Над Белым Крымом
Летела слава России
Дымом...*

Ранний советский подход к новому «освоению» Крыма также оказался не лишён своеобразного символизма. Здесь предполагалось создать новый курортный «рай для трудящихся», «фабрику здоровья», образцово решить «национальный вопрос». К тому же, для советской героики символическое значение приобрёл Перекоп — место последнего победоносного для красных сражения гражданской войны. Крым воспринимался как своеобразный маяк для народов востока, борющихся против мирового империализма. Новый символизм не опирался на камни тысячелетий, его выражением становится подросток в коротких шортах и красным галстуком, миф Херсонеса сменился мифом Артека. Крым 20-х и 30-х это и не Крым вовсе — Лисс, Зурбаган, эти вымышленные писателем А. Грином города, осколок иного мира, надолго теперь заказанного советскому человеку. В 30-е в истории крымского символизма появляется новый важнейший аспект, происходит настоящая революция — появляется (как массовое явление) кинематограф (и его фабрика грёз — ялтинская киностудия). Он превращает крымские ландшафты в уголки любого континента. Здесь тебе и Африка и Азия с Австралией... Мир сжимается до размеров полуострова, для советского человека Крым становится маленькой вселенной. Когда-то идя в поход на Корсунь, Владимир и Русь вместе с ним выходили в мир, теперь происходит почти то же самое, только ни о Корсунь, ни о Владимире никто не вспоминает. Впрочем нет — вспоминают, чтобы заклеить его как очередного захватчика. Как и в начале предыдущего века, Крым для публики — прежде всего — Ориент и сидящий безвылазно в Коктебеле Макс Волошин оплакивает вытоптаный русскими «мусульманский рай».

4.

Новое открытие Крыма и Севастополя как недвусмысленного символа России, также как и прежнее, стало результатом Войны. Теперь уже никто не сравнивал Севастополь с Троей,

В 1919 г. философ и богослов С.Н. Булгаков отправился из Москвы в Крым к семье. В Симферополе он принял должность профессора политэкономии и богословия в университете. Под впечатлением от жизни в Крыму он написал «У стен Херсонеса» (1923), где действие происходит вблизи херсонисских раскопок, в беседе принимают участие беженец, светский богослов, угеный иеромонах и приходский священник.

не просто культура ушла — масштабы событий не те. Грандиозные разрушения, тысячи жертв, отчаяние, обречённость и самопожертвование. Прежде чем стать символом в России, Севастополь становится символом России для противника, символом парадоксальной способности идти на заведомую гибель вопреки казалось бы очевидной «логике выживания», а заодно и знаком того, что никакая победа над русскими совершенно не способна их сломить и уничтожить.

Становлению нового крымского военного символизма, несомненно, способствовали впечатляющие природные декорации — море и скалы, делавшие человеческую трагедию событием поистине вселенским. Крупные окружения (даже более крупные чем под Севастополем) случались и в других местах советско-германского фронта, но только здесь, обречённость брошенных и погибающих людей отзывалась таким оглушительным эхо...

И ведь всё это тоже происходит в Херсонесе, но не античных развалинах, а на крайнем мысе Гераклейского полуострова в силу каких-то причин носившего то же название, что и древний город...

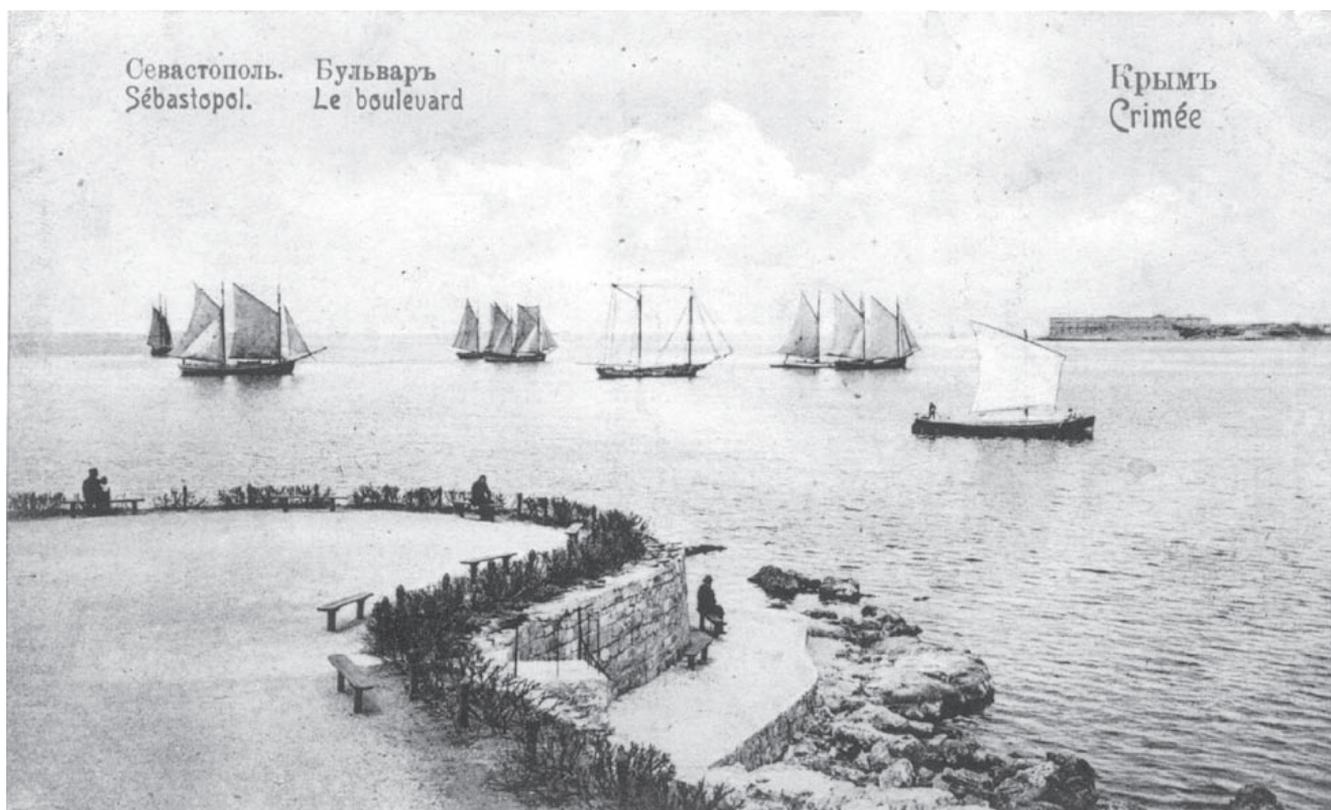
На фоне войны, на символическом же небосклоне восходит чуть позже звезда Ялты — места, где решались судьбы послевоенного мира, где три человека (Сталин-Черчилль-Рузвельт) создали один биполярный мир, о котором все мы сейчас всё с большей ностальгией вспоминаем.

Как водится, окончание войны принесло с собой и первую попытку «заземлить», осмыслить символическое значение Крыма для русской истории. Попытку откровенно политизированную и потому неудачную. Это было время освоения исторического пространства, понимаемого как «присвоение». Поразив «фашиста» на войне, нужно было расправиться с ним и в истории. Отыгрались на средневековых крымских готах, попутно досталось грекам, римлянам, гуннам, не говоря уже о высланных к тому моменту татарах. Советским профессорам показалось неудобным тянуть корни Русской Тавриды от Крещения Руси, акта с точки зрения государственного атеизма весьма сомнительного, а заодно в истории и не столь отдалённого, поэтому на роль предков русских были записаны крымские тавры и скифы, (а равно и легендарные киммерийцы) — племена местные, аборигенные и потому заслуживающие почёт, уважение и своё место в истории. Тема, однако, не пошла. Через год после научной сессии, посвященной этим судьбоносным положениям, умер Сталин и послевоенный большевистский национализм сошел на нет. А ещё через год Н. С. Хрущев отдал Крым Украине.

Акт этот был тоже символическим. В 1954-м исполнялось 300 лет воссоединения Украины с Россией. Страна переживала сложный период смены властных элит. Хрущев посчитал необходимым таким образом продемонстрировать нерушимую монолитность советской системы. Такой подарок, наверное, не дарился со времён средневековья. Это только предположение, но Хрущев демонстрировал этим жестом условность советских внутренних границ. Широту подходов кремлёвского руководства к решению сложных административных задач. Надо — повернём реки вспять, надо — передадим целый регион из состава одной республики в состав другой, надо — «и на Марсе будут яблоки цвести». Передачей Крыма Хрущев, как ему казалось, укреплял Советский союз, создавал такую связку между двумя его главными действующими лицами, которую никакими силами уже невозможно будет разорвать.

С этих пор, однако, символическое значение Крыма тускнеет. Дело даже не в том, что формально Крым перестаёт быть российским. В позднесоветской действительности вообще несанкционированному символизму места не оставлялось (хотя именно это время подарило нам образ «глухой провинции у моря»). Лет за пять до тысячелетия Крещения Руси, Севастополь закрыли для свободного въезда. Как поговаривали — для того, чтобы клерикальные круги не поднимали вопрос о праздновании. Но без Крыма крах СССР не обошёлся. Название маленького местечка на южном берегу Крыма — Форос с дачей первого и последнего президента СССР М. С. Горбачёва навсегда осталось на последних страницах 70-летней истории Страны Советов. Да, ещё — как раз в год тысячелетия вышла книжка, многим показавшаяся странной, её сюжет был построен на допущении того, что красные в 1920-м Крым взять так и не смогли, вследствие чего здесь образовалась другая Россия — мечта и сон позднесоветского либерала... «Остров Крым» Василия Аксёнова. Последняя сцена этого романа, как известно, разыгрывается на ступенях храма св. Владимира в Херсонесе...

При всей ограниченности наших оформленных представлений, это место уникально: здесь зародилась российская цивилизация, здесь спустя несколько веков Россия обрела себя в качестве многонациональной европейской империи, здесь проходили испытания на её прочность, здесь осуществлялось осмысление европейской и мировой миссии России, именно здесь, наконец, во многом формировался эстетический образ российской культуры. В истории любой страны есть территория, связанная с особым рода историческими сантиментами. Иль-де-Франс, Новая Англия, Ка-

стилия, Малая Польша, Косово и Метохия... Как правило, это некое историческое ядро вокруг которого со временем складывается государство. Крым в этом ряду занимает совершенно особое место. Это не этнографическая «колыбель», в том смысле, в котором её трактует любая националистическая историография. Но это место, где Россия обрела свою цивилизационную идентичность.

Конечно, сколько бы аргументов такого рода не было приведено, они не повлияют на позицию тех, кто рассматривает «Крымскую весну» 2014 года как банальный акт аннексии. Но я бы предостерег от того, чтобы воспринимать сказанные Президентом Путиным слова его ежегодного

послания, как еще один аргумент в споре с кем-то. Мне кажется, смысл его сравнения — в другом.

Подлинное значение «крымского опыта» лежит не в прошлом, а в будущем. Исключительная роль Крыма для нас — не оправдание уже сделанному, а основа понимания того — что еще нам предстоит сделать. Ведь и «Храмовая гора» — это не просто важный исторический памятник, это прежде всего место откуда множество людей черпают энергию единения, сосредоточения для дальнейшей жизни. В этом смысле и Крым для нас — это не пункт концентрации дорогих для нас древних развалин, это точка сборки сегодняшней и завтрашней России.